

У

дивительная жанровая полифония

Вячеслав ШЕРБИН,
кандидат филологических наук

Основателем социологического романа по праву считается известный российский логик и социальный философ Александр Зиновьев, издавший в 1976 году «Зияющие высоты». Автор неоднократно описывал отличия сформированного им нового жанра, в котором он опубликовал около 20 книг, от традиционных приключенческого, авантюрного, психологического, социального, исторического и других романов.

Вот, например, как сам А. Зиновьев характеризовал свои произведения: «Главным объектом моих книг является коммунизм во всех его аспектах и проявлениях. Я в них излагаю мои социологические идеи, но в художественной форме. Средства литературы используются мною для выражения научных понятий, гипотез, теорий. С точки зрения формы я рассматриваю свои книги как синтетические в смысле использования самых различных литературных феноменов в одном и том же произведении – прозы, стихов, научных эссе, памфлетов, шуток, сатиры, трагедии, фантастики, очерков и т.п. Поэтому критики не могут найти мне подходящее место в привычных классификациях. Чаще мои книги относят к сатире. Это верно лишь отчасти. Я считаю мои книги социологическими романами» [1, с. 311].

В авторском предисловии к роману «Русский эксперимент» А. Зиновьев так охарактеризовал ее жанровые характеристики: «Эта книга – роман, но роман особого рода: социологический. Не социальный, какими являются почти все мало-мальски прилич-

ные романы художественной литературы, а именно социологический. Он отличается от привычного романа как по предмету внимания, так и по средствам его изображения. Предметом его являются феномены человеческого общества как таковые и социальные законы, а конкретные люди и события фигурируют лишь постольку, поскольку через них проявляются упомянутые феномены и законы» [2, с. 5]. В частности, уже в романе «Зияющие высоты» в качестве действующих персонажей выступали не конкретные образы людей, а персонифицированные социальные категории: Академик, Болтун, Ефрейтор, Заведующий, Заибан, Инструктор, Интеллигент, Каторжник, Клеветник, Корреспондент, Курортник, Лидер, Литератор, Мазила, Мыслитель, Паникер, Патриот, Певец, Правдец, Претендент, Распашонка, Сачок, Секретарь, Сослуживец, Сотрудник, Социолог, Старшина, Стукач, Супруга, Тылочная Крыса, Убийца, Уклонист, Хозяин, Хряк, Художник, Член, Шизофреник и др. И хотя все эти персонажи в романе имеют одну и ту же фамилию Ибанов, спутать их между собой невозможно, поскольку поступки и слова каждого действующего лица строго соответствуют поведенческим характеристикам тех социальных категорий людей, представителями которых они выступают в романе.

Вопрос заключался лишь в том, был ли широкий читатель социологических романов А. Зиновьева знаком с многочисленными социальными категориями советского общества? Иными словами, имел ли указанный читатель адекватное научное представление о его сложной структуре: о «числе лиц различных социальных категорий» [3,

ОБ АВТОРЕ

ШЕРБИН Вячеслав Константинович.

Родился в 1953 году в д. Рудня-Антоновская Калинковичского района Гомельской области. В 1979 году окончил филологический факультет БГУ.

В 1982–1990 годах научный сотрудник Института языкознания имени Якуба Коласа, в 1990–2003 годах – ведущий специалист, главный специалист, помощник президента НАН Беларуси. С 2003 года – заведующий отделом науковедения, с 2014 года – заведующий сектором инновационного развития отраслей Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси.

Кандидат филологических наук (1983).

Автор более 430 научных публикаций.

Сфера научных интересов: филология, науковедение, социология, экономика, история.

с. 253], о не менее сложной системе соответствий между персонажами романа «Зияющие высоты» и реальными историческими личностями? Сам автор пишет: «Верно, что Сталин, Хрущев, Брежнев, Солженицын, Галич, Неизвестный, Евтушенко и др. послужили прообразами для Хозяина, Хряка, Заибана, Правдеца, Певца, Распашонки. Но не более того. Даже Мазила не есть Эрнст Неизвестный, хотя факты его жизни я часто использовал в книге» [3, с. 261]). На наш взгляд, именно отсутствие однозначных ответов на подобные вопросы привело российского философа И. Ильинского к выводу о том, что «работы Зиновьева – это социальная философия, социология. Его книги для продвинутых людей, интеллектуалов. Они для мыслящих и ищущих людей. Работы Зиновьева не каждому по зубам» [4, с. 93].

Более того, российский философ А. Капто считает, что «А. Зиновьев – автор произведений, в которых осуществлен органический синтез научного исследования и художественного изображения, чем он предвосхитил постмодернистский стиль. Ярчайший пример – вышедшие более чем на двадцати языках мира «Зияющие высоты» [5, с. 104]. О правомерности отнесения указанного «социологического» романа А. Зиновьева к русскому литературному постмодернизму свидетельствует, скажем, тот факт, что едва ли не наиболее характерной чертой современной постмодернистской литературы является «гибридизация различных жанровых кодов в постмодернистском тексте как гетерогенных, что ведет к появлению неких «сверхжанровых» образований; достаточно характерным является соединение в одном тексте жанровых кодов художественной и научной литературы» [6, с. 377].

Все отмеченные выше качества социологического романа А. Зиновьева способствовали привлечению к нему внимания отечественных социологов, а со временем и появлению в их среде адептов данного жанра. Одним из таких адептов выступает российский специалист в области социологии медицины Лариса Матрос, которая опубликовала не только ряд научных монографий, но и «Социологический роман» (Нью-Йорк, 2000) о жизни социологов новосибирского Академгородка.

Литературные последователи А. Зиновьева есть и в Беларуси. В частности, наиболее продуктивно в жанре социологического

романа сегодня работает доцент кафедры социологии БГУ Жанна Грищенко, опубликовавшая на протяжении семи лет два объемных литературно-художественных произведения о представителях университетской социологии. Причем если вышедшая в 2007 году «Социология жизни, или Жизнь в социологии» представляет собой «мемуары, написанные интересной зрелой женщиной, вполне компетентным исследователем, обладающим соответствующей ученой степенью» [7, с. 1], то книга «Время абсента» относится к жанру социологического романа.

Объединяющими чертами двух названных произведений Ж. Грищенко являются, во-первых, их автобиографичность: автор описывает лишь те события из жизни белорусских и зарубежных социологов, непосредственным участником которых ей довелось быть лично; во-вторых, их социологичность. Последнее, в частности, означает, что в содержании этих произведений широко представлены феномены и понятия социологической науки (например, названия и дефиниции отраслевых социологических теорий среднего уровня: позитивистская социология, понимающая социология, социология бизнеса, гендера,

жизни, культуры, личности, молодежи, феноменологическая социология и др.), а также ее термины, номены и профессионализма (в первой книге к ним относятся следующие языковые единицы: инициативное нарративное интервью в проекте case-study, система «пишметрия», ПНИЛСИ БГУ, эмпирический критерий среднего класса, анализ категории «общественное мнение», работаем на средних с обязательным указанием дисперсии, разовьем дискурс по теме и др.; во второй – «схватить» поле и передать данные, проект «пишметрия», сеть шла на сеть, схватить эмпирику, метод точкирования при обработке результатов поля и др.).

Хотя существуют и принципиальные различия между названными книгами Ж. Грищенко. Так, мемуарную по своему характеру «Социологию жизни...» следует скорее отнести к жанру «литературы факта», поскольку в ней описываются реальные мысли, поступки и действия белорусских и зарубежных социологов, выведенных в книге под их настоящими фамилиями. Среди них можно назвать преподавателей факультета философии и социальных наук БГУ академика Е. Бабосова, члена-корреспондента А. Данилова, профессоров и доцентов И. Андрееву, Л. Гуцаленко, Г. Давидюка, Н. Елсукову, А. Зеленкова, И. Зеленкову, Е. Кучко, С. Лаптенка, А. Легчилина, А. Лимаренко, Л. Новикову, Е. Прилепко, Д. Ротмана, Г. Соколову, Л. Титаренко, П. Украинец, аспирантку Н. Абловацкую и др.; а также российских и украинских социологов А. Бухалова, М. Горшкова, А. Здравомыслова, О. Криштановскую, Ж. Тощенко; западных социологов А. Бома, Х. Вольмана, Е. Вятра, Р. Градхофа, Б. Джекоб, А. Матулениса, К. Островского, Л. Стромберга, Г. Тюна, А. Ясинскую-Каня.

Новое произведение Ж. Грищенко «Время абсента» имеет совсем иные, причем значительно более широкие жанровые характеристики. Наряду с отмеченными выше элементами автобиографического и социологического, в данной книге присутствуют также черты гендерного, социального, политического и философского романов. В частности, гендерная проблематика представлена не только на уровне абстрактных рассуждений. В качестве их иллюстрации приведем небольшой отрывок: «Идеальный портрет президента в массовом сознании белорусов никогда не ассоциировался с

женским полом. Увы! Отстаем от Запада! Наш народ этого не поймет, а оттого и соваться не стоит. Предупредите тех, кто не в курсе. Если, конечно, среди ваших знакомых дам есть такие желающие поучаствовать в президентском марафоне» [8, с. 305] (далее даются ссылки только на страницы. – Авт.). Гендерную основу имеют все основные сюжетные линии романа, отражающие этапы трагических судеб трех главных героинь – Валерии, Ольги и Натальи.

Еще больше оснований имеется для отнесения книги «Время абсента» к числу социальных романов. За семь лет, прошедших после издания «Социологии жизни...», художественное мастерство ее автора значительно выросло. Внешне это проявилось в усилении психологизма и достоверности образов белорусских и зарубежных социологов, которые получили в романе «Время абсента» новые, на сей раз вымышленные фамилии, что только способствовало проявлению их большей жизненности. И хотя в некоторых персонажах порой угадываются их реальные прототипы, тем не менее сатирическое заострение автором отдельных черт характера своих литературных героев придает им высокую степень типичности. В немалой степени созданию художественного мира социального романа помогает появление в книге «Время абсента» целого ряда атрибутов, обязательных для произведения данного жанра:

1) наличие сквозного сюжета, связывающего между собой поступки главных действующих героев (Валерии, Ольги и Натальи). Для сравнения: в социологическом романе «Зияющие высоты», по признанию А. Зиновьева, «сюжет в обычном смысле слова играл роль весьма второстепенную» [3, с. 258];

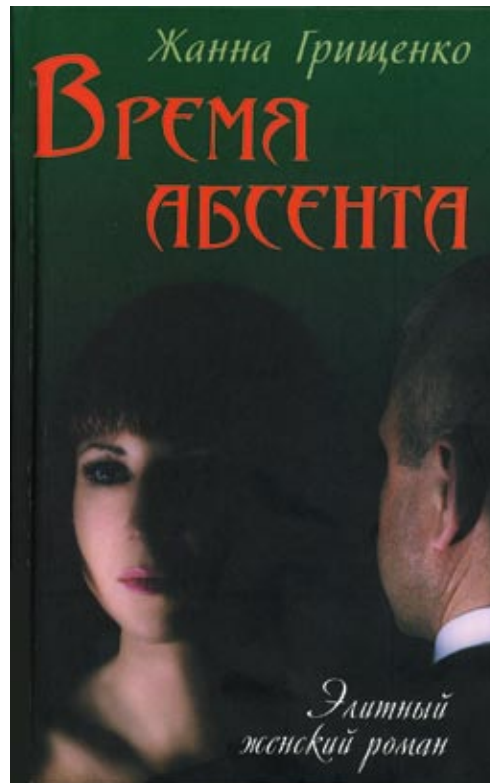
2) высокий уровень типизации явлений белорусской действительности начала 1990-х годов. Различия по уровню такой типизации между двумя произведениями – книгой научных мемуаров «Социология жизни, или Жизнь в социологии» и романом «Время абсента» – можно прокомментировать словами российского литературоведа Е. Комовской: «Художественный мир социального романа хотя и наполняют вымышленные события и персонажи, но они соотносимы с реальной действительностью. В то время как социологическая трактовка интерпретирует текст, исходя из произве-

дения как «документа», «памятника» своей эпохи, поэтому чаще напоминает по своей форме летопись, научный трактат, историческую сводку» [9, с. 107–108];

3) состоявшийся переход от научного, научно-популярного и отчасти публицистического стилей изложения текстового материала в «Социологии жизни...» к более комплексному и многофункциональному стилю художественной литературы в романе «Время абсента». Можно привести даже количественные подсчеты, свидетельствующие о таких стилевых изменениях. Например, если в книге научных мемуаров автор использовала названия почти двух десятков отраслевых социологических теорий среднего уровня, то в своем социальном романе Ж. Грищенко ограничилась лишь несколькими названиями, причем отдельные из них имеют не научный, а оценочный статус («придворная социология», честная социология и др.). Далее, только насущной необходимостью создания речевой характеристики отдельных литературных персонажей можно объяснить появление в тексте элитного женского романа случаев использования вульгарной и обценной лексики.

Эту книгу резонно причислить также к жанру политического романа, поскольку в ней подробно раскрывается политическая подоплека белорусских событий первой половины 1990-х годов, связанных с крушением СССР и формированием президентской республики в Беларуси. Свое глубокое понимание происшедшего в те годы Ж. Грищенко демонстрировала неоднократно, причем как в романе (с. 37, 83, 87, 172, 289 и др.), так и в более ранних своих работах – учебном пособии «Социология политики» (2013), написанном совместно с А. Даниловым; в многочисленных газетных публикациях. Так, в интервью газете «Советская Белоруссия» 9 июля 2013 года Ж. Грищенко проявила свою политическую эрудицию при обсуждении вопроса о степени зрелости гражданского общества в Беларуси: «Как правило, глашатаи политической конъюнктуры любят повторять риторический довод о том, что в «Беларуси нет гражданского общества». В этой связи на ум приходит контрдовод: разве не воля гражданского общества при выборе первого Президента Беларуси в 1994 году предопределила судьбу страны, господ? При этом замечу, что именно белорусское

гражданское общество продемонстрировало всему миру пример политической активности и участия, способных противостоять правящей на тот момент политической элите страны и ее административному ресурсу. Это ли не критерий зрелости гражданского общества?» [10, с. 8].

В пользу принадлежности книги «Время абсента» к жанру философского романа свидетельствует наличие в ней многочисленных авторских афоризмов, навеянных непростыми философскими вопросами жизни современного белорусского общества: «Бардак в душах интеллектуальной элиты страны стал закономерным следствием обвальности очередных социальных революций» (с. 109); «Власть должна идти в авангарде, думать на два-три шага вперед, а не плестись в хвосте у общественного мнения» (с. 141–142); «Случай – есть результат когнитивной недостаточности» (с. 155); «Социализм или капитализм, не имеет значения, – власть везде уважают» (с. 195); «Успех государства определяется вкладом в этот успех конкретной личности. Чем больше успешных людей, тем успешнее само государство» (с. 244); «Не важно, сколько дней в твоей жизни, важно, сколько жизни в твоих днях» (с. 413); «У нас

жизнь не сахар, то кризис, то революция, то жрать нечего, то купить не на что, то доллар обвалился, то водка паленая» (с. 438). В общем, философия жизни современного белорусского общества меняется на глазах, что и получило отражение в романе «Время абсента».

Не обходит своим вниманием Ж. Грищенко и философские проблемы белорусской науки: «Амбициозность научного мира – фактор компенсационный, в особенности в гуманитаристике. Чем меньше науки, тем больше амбиций» (с. 21); «Научный процесс в этом перестроенном мире все чаще уходил на периферию, уступая пальму первенства проблеме борьбы за выживание науки и добывания финансирования любыми средствами, чтобы продлить ее существование» (с. 138); «Жить интересно! Хотя бы личную жизнь организовать в рамках приличия. А здесь ни докторская не поможет, ни статус академика! Напротив, – последнюю энергию затратишь и останешься с носом! ... Наши доктора и академики – самые несчастные люди» (с. 251); «Обломки системы бьют

в первую очередь по талантливым головам. Талант, известное дело, уязвим своей полной неприспособленностью к жизни» (с. 265); «Академика надо давать тогда, когда ученый еще что-то может сделать, а не тогда, когда гроб заказывает» (с. 383); «Постоянные межличностные разборки давно стали определяющими в характере развития отечественной науки» (с. 417). Автор романа не боится затронуть самую болезненную точку современной белорусской науки – правомерность использования различных форм ее финансирования (работа людей науки по совместительству, получаемые ими зарубежные и отечественные гранты, их участие в бизнесе, публикация ими гонорарных книг, статей и проч.).

Завершая анализ романа «Время абсента», хочу особо отметить вклад его автора в разработку новых форм популяризации науки и продуцируемых ею достоверных социальных знаний. Возможно, произведение и уступает социологическим романам А. Зиновьева по богатству обсуждаемых в них социальных идей и теорий. Однако то, в чем книга Ж. Грищенко, безусловно, превосходит сатирические творения первооткрывателя формы социологического романа, так это удивительная жанровая полифония элитного женского романа, вобравшего в себя характерные черты социологического, автобиографического, гендерного, социального, политического и философского романов. Именно это многообразие используемых жанровых кодов позволило автору создать достаточно притягательный образ отечественной университетской социологии. Это, считает С.П. Чернозуб, «обеспечивает, как минимум, взаимопонимание непосредственно заинтересованных в развитии науки как социального института, а иногда и способствует тому, что общество начинает воспринимать ее интересы с симпатией и участием. Иначе говоря, «образ» как фактор самоорганизации выражает «национальную мечту» о науке» [11, с. 142].

Рассмотренные выше попытки социологов (А. Зиновьева, Л. Матрос, Ж. Грищенко) по решению этой сверхзадачи – создания позитивного образа отечественной науки – подтверждают обоснованность вывода о том, что «и в научном, педагогическом плане современная социология выходит на этап активного использования образов художественной литературы» [12, с. 36]. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев, А.А. Зияющие высоты: в 2 кн. / А.А. Зиновьев. – Кн. 2. – М.: ПИК Независимое издательство, 1990. – 317 с.
2. Зиновьев, А.А. Русский эксперимент: Роман / А.А. Зиновьев. – L'Age d'Homme – Наш дом, 1995. – 448 с.
3. Зиновьев, А.А. Русская судьба: Исповедь отщепенца / А.А. Зиновьев [Электронный ресурс]. – 1988. – Режим доступа: www.zinoviev.ru>rus/text.sudba.pdf. – Дата доступа: 05.01.2015.
4. Ильинский, И.М. Зиновьев гениален многогранно / И.М. Ильинский // Александр Александрович Зиновьев: опыт коллективного портрета; авторы-сост.: О.М. Зиновьева, О.Г. Назаров. – М.: Канон+, 2013. – С. 89–95.
5. Капто, А.С. Рыцарь национального русского духа / А.С. Капто // Александр Александрович Зиновьев: опыт коллективного портрета; авторы-сост.: О.М. Зиновьева, О.Г. Назаров. – М.: Канон+, 2013. – С. 100–107.
6. Скоропанова, И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык / И.С. Скоропанова. – 2-е изд. – СПб.: Невский Простор, 2001. – 416 с.
7. Грицанов, А. Противостоестественный отбор / А. Грицанов // Наше мнение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: nmm.by.livejournal.com/31348. – Дата доступа: 22.10.2007.
8. Грищенко, Ж. Время абсента / Ж. Грищенко. – Минск, 2014.
9. Комовская, Е. «Социологический роман» как жанровая разновидность романа / Е. Комовская // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. – 2011. – № 132. – С. 103–108.
10. Романова, Н. Добропорядочность общества зависит от порядочных людей / Н. Романова // Советская Белоруссия. – 2013. – 9 июля.
11. Чернозуб, С.П. Образ науки как фактор самоорганизации научного сообщества / С.П. Чернозуб // Общественные науки и современность. – 2007. – № 6. – С. 140–147.
12. Григорьев, С.И. Соотношение категориального словесно-логического и идейно-образного видов мышления в деятельности социологов / С.И. Григорьев // Социальные исследования. – 2012. – № 1. – С. 27–36.